

А. И. Мизунов

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
О СПЕЦИФИКЕ РАЗДЕЛА ЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ,
НАЗЫВАЕМОГО «ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ»¹**

Теория аргументации рассматривается как раздел логического знания, в фокусе исследовательского интереса которого находится не абстрактная схема, реализованная в искусственном языке как результат процедуры абстрагирования и формализации схем теоретических доказательств, а то, что осталось неформализованным, то, что отличает естественный язык от его абстрактных формальных моделей.

Argumentation theory is considered as a branch of logical knowledge, which focuses not on an abstract scheme, realized in an artificial language as the result of the procedure of abstracting and formalising schemes of theoretical proof, but on those components, which did not undergo formalising and distinguish a natural language from its abstract formal models.

Между научными и политическими конференциями нет, к счастью, ничего общего. Успех политического собрания зависит от согласия между всеми его участниками или, по крайней мере, между большинством из них. Что же касается научной дискуссии, то здесь не используются ни вето, ни голосование, а разногласия, по-видимому, оказываются здесь более продуктивными, чем всеобщее согласие. Разногласия вскрывают антиномии и точки наибольшего напряжения в пределах рассматриваемой области и тем самым ведут к новым исследованиям.

Р. Якобсон. Лингвистика и поэтика

Если сказанное далее вызовет у читателя категорические возражения, то, обращая его внимание на приведенное в эпиграфе замечание Романа Якобсона, я все-таки надеюсь, на снисхождение. Это, конечно, аргумент к авторитету, но, пола-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №05-03-03301а.

гаю, что в этом случае условия приемлемости такой формы аргумента выполняются.

Принято считать, что интерес к теоретическим аспектам аргументации, попытка сформулировать рациональные нормы аргументации как осознанная специализированная традиция возникли в середине прошлого века. Возникновение этой традиции справедливо связывают с именами Х. Перельмана и Ст. Тулмина. Однако это не вполне корректно и нуждается в уточнении. Прежде всего потому, что научная аргументация, процедуры обоснования научного знания, собственно теория доказательства в логике были развиты задолго до того, как вопрос о разработке некой теории аргументации был поставлен признанными отцами-основателями современной теории аргументации Ст. Тулмином и Х. Перельманом. И это, конечно, ни кем не ставится под сомнение. Но дело в том, что теория аргументации, как она понимается в той самой традиции, к которой принадлежит подавляющее большинство исследователей, чьи имена повторяются в ссылках большей части издающихся в мире работ на тему аргументации, безусловно, не тождественна логической теории доказательства. Наоборот, она возникла как ответ на безуспешные попытки сведения рациональных норм аргументативного дискурса, то есть рассуждения в естественном языке, к нормам формальной логики, предмет которой составляют нормы построения доказательства в искусственном, т. е. терминологически замкнутом языке. По сути дела, речь идет о возрождении исследовательского интереса к формам аргументации, которая существует в естественном языке, учитывающего как общекультурный, так и специфический контекст, особенности аудитории или собеседника, для которых строится аргументация, и т. п. факторы. Эта традиция прервалась, по мнению Ст. Тулмина, еще в XVII веке, начиная с Декарта [7]. Поэтому сейчас можно говорить о ее возрождении, осуществляемом в ходе происходящего на наших глазах общего разворота логики к исследованию рассуждения, рациональных форм обоснования в естественном языке [6, р. 123—188].

Это не возникновение нового направления исследования, а возрождение той традиции, которая была сформирована явным образом уже Аристотелем. Возрождение этой исследовательской традиции в XX веке сопровождалось противопоставлением логики и аргументации и ссылками на то, что современная логика не только не исследует реальные интуитивно ясные формы рассуждения, но и не способна анализировать аргументативный дискурс, протекающий в естественном языке, не разрушая его, не сводя к формальным конструкциям, строящимся в искусственном языке, которые способны привести в восторг профессионального логика, но не приносят никакой пользы реальным субъектам аргументативного дискурса. Получается, что логик не способен научить обычного носителя языка правильным формам аргументации точно так же, как даже самый выдающийся специалист в области высокомолекулярной биологии не способен дать дельного совета повару, как лучше приготовить яичницу. Причины этого понятны, поскольку логика, испытавшая в начале XX века сильное влияние математики, существенно переработанная ею, не только совершила мощный рывок в своем развитии, но и в значительной степени переориентировала свой предмет с учетом, прежде всего, интересов математики. Назвать ее наукой о рассуждении, даже о математическом рассуждении, было бы сильным преувеличением, искажающим реальное положение дел. Сейчас противопоставление теории аргументации логике на том основании, что знание, которое формируется в рамках формальной логики, не помогает человеку строить правильные рассуждения, что, мол, «люди так не рассуждают», не корректно. Во-первых, потому, что значительная часть современного логического знания не имеет в виду строить модели человеческого рассуждения. Но такое замечание не вполне корректно еще и потому, что, во-вторых, та часть современного логического знания, которая имеет своим предметом рассуждение, эксплицирует те законы рассуждения, игнорируя которые невозможно построить модель рационального дискурса ни в какой области знания.

Можно сказать, что теория аргументации это раздел логического знания, в фокусе исследовательского интереса которого находится не абстрактная схема, реализованная в искусственном языке как результат процедуры абстрагирования и формализации схем теоретических доказательств (прежде всего, естественнонаучных, математических), а то, что осталось неформализованным, что отличает естественный язык от его абстрактных формальных моделей. Это не значит, что в теории аргументации не используется метод формализации, не строятся абстрактные схемы, не вводится искусственный язык для построения моделей рассуждения. Просто объектом ее интереса является реальный дискурс, рассуждение, а не модели как таковые сами по себе. При этом теорию аргументации не верно было бы называть прикладной логикой. Если здесь уместно прибегать к помощи аналогии, то следовало бы предложить такую: отношение между традиционной для XX века формальной логикой и теорией аргументации подобно отношению между теоретической и экспериментальной физикой. В то время как теоретическая физика исследует математические модели природы, экспериментальная физика исследует саму природу. Формально-логическое и аргументационное исследование могут быть близки по техническим средствам, приемам, по языку, но они не тождественны по исследовательской установке, в подходах к выявлению в изучаемом объекте (языке) своего предмета (формы рассуждения).

Традиционно элементарными единицами формальной логики являются понятие и высказывание. Но ни понятие, ни высказывание не являются самостоятельными, первичными элементами дискурса. И понятие, и высказывание являются продуктами речи. Элементарной же единицей реального дискурса является речевое действие. Высказывание — продукт абстрагирования по отношению к реальному элементу дискурса — речевому акту. Причем речевой акт не может быть у одного, у говорящего, он всегда форма связи говорящего и слушателя; он сам, а следовательно и высказывание, продукт

совместного порождения смысла участниками диалога в процессе реального функционирования языка [2, с. 326—340].

Теория аргументации имеет дело с реальным функционированием языка, с речью. Следовательно, для нее аргумент — это особого рода речевой акт, акт речевой коммуникации и интеракции. Поэтому аргумент должен рассматриваться не только как функция высказывания в определенной логической структуре, но и как особого рода коммуникативное действие, то есть надо объяснить коммуникативную природу аргумента, надо рассмотреть его с точки зрения роли, выполняемой им в определенной схеме дискурсивного действия. Надо рассмотреть аргументативный речевой акт в ряду других типов речевых действий.

В формальной логике аргумент — это логическая характеристика высказывания: $L(P)$, где P — пропозиция, а L — логическая функция, задаваемая этой пропозиции местом, которое она занимает в логически валидной форме рассуждения. В аргументации (то есть в диалогической, коммуникативной форме обоснования) к логической характеристике добавляется коммуникативная характеристика аргумента — $FL(P)$. Кажется, что это особый тип речевого акта, что должна быть особая иллокутивная сила — аргумент, наряду с ассертивом, комиссивом, директивом и т. п. Пропозициональное содержание этого речевого акта может быть истинным или ложным, логическая характеристика — валидной либо нет, а как особая иллокутивная сила он может быть *успешным* и *эффективным*, *успешным* и *неэффективным*, *неуспешным* и *неэффективным*.

Кроме того, само отношение следования обладает коммуникативными характеристиками. Классическое определение следования здесь не работает, поскольку в аргументации важным условием являются согласие собеседника и определенность контекста. Аргумент в силу его диалогической природы может случиться только с санкции собеседника. К тому же изменение контекста может разрушить аргументацию, до этого не вызывавшую сомнений, поскольку приводит к тому, что использованные ранее аргументы не могут быть приняты,

по крайней мере, одной из сторон диалога. В новом контексте их пропозициональное содержание приобретает иной смысл, с которым не могут согласиться уже не только слушатели, но и сам автор. Яркий пример такой ситуации приводит Р. Барт в актовой лекции, прочитанной при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Колледж де Франс 7 января 1977 года: «Так, Пазолини вынужден был «отречься» (по его собственному выражению) от трех своих фильмов, составляющих «Трилогию жизни», поскольку констатировал, что их использует власть (хотя и не выразил сожаления по поводу того, что снял эти фильмы): “Полагаю, — говорит он в одном интервью, опубликованном посмертно, — что *до* свершения действия никогда, ни при каких условиях не следует опасаться аннексии со стороны власти и ее культуры. Нужно поступать так, словно подобной потенциальной опасности вовсе не существует... Однако я полагаю также, что *после* следует уметь отдать себе отчет, в какой мере — в том или ином случае — ты был использован властью. И вот тогда, как мне кажется, если наша искренность или потребность в выражении стали объектом порабощения или манипуляции, надо иметь абсолютное мужество отречься”» [1, с. 557].

Отношение следования обнаруживает диалектический, коммуникативный характер, зависящий в том числе и от прагматического контекста. Наличие в аргументативном дискурсе отношения следования определяется через выяснение таких прагматических характеристик аргументативного речевого акта, как успешность и эффективность [4].

К тому же категория истинности, играющая существенную роль в определении следования, обнаруживает свою коммуникативную природу [3, с. 265—280]. Кажется, что истинность не сводится к соответствию содержания высказывания предмету речи и его согласию с другими высказываниями. Требуется выявление ее коммуникативной природы, которая эти корреспондентность и когерентность порождает. Ведь наше высказывание о мире, прежде чем быть корреспондентно истинным, должно быть когерентно истинным, непротиворечи-

вым образом вписываться в определенный языковой контекст. Но языковой контекст задает и определенный смысл высказыванию, без которого нет вообще истинностной характеристики. То есть, прежде чем можно будет говорить об истинности или ложности суждения, это суждение должно быть высказано кем-то кому-то, предстать в форме иллокуции, выступить элементом коммуникации, диалога, который задает высказываемой мысли, кроме всего прочего, коммуникативную определенность. Речь обретает качество, позволяющее согласиться с ней, признать ее, не выходя в используемых при этом критериях за пределы рациональных оснований, не только потому, что она когерентно и корреспондентно истинна, но и потому, что она коммуникативно истинна, в частности, она иллокутивно совместима с картиной мира собеседника, *приемлемая-для-него*.

Наконец, традиционное понимание истинности связывает ее с пропозициональным содержанием речевого акта, а элементом следования в реальном аргументативном дискурсе является речевой акт, семантика которого несводима к истинностной характеристике его пропозиционального содержания.

На мой взгляд, теория аргументации должна развиваться именно в этом направлении, используя и развивая в том числе и уже имеющиеся логические средства анализа рассуждения. Не ограничиваясь, конечно, отмеченными проблемами.

Но заявление о том, что интерес к теоретическим аспектам аргументации возник в середине прошлого века, не корректно еще и в другом, более радикальном смысле. Совершенно ясно этот интерес был выражен и реализован уже Аристотелем. Взять хотя бы его классификацию форм рассуждения или силлогизмов, на которой хотелось бы остановиться.

В Топике (100a 25—27) и в Первой аналитике (24b 18—20) Аристотель определил рассуждение (*sylogismos*) как «речь (*logos*), в которой, если нечто предположено, то через положенное из него с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть». То есть для Аристотеля рассуждение — это множество

высказываний, упорядоченное отношением необходимого следования.

Аристотель выделял пять видов или специальных контекстов подобного рассуждения, идентифицированного пятью различными видами посылок, которые они имеют. Рассуждение — демонстрация (*apodeixis*), когда посылки — «истинные» и «первые» положения, установленные в научной дисциплине (Толика, 100a 28). Диалектическое рассуждение (*dialectikos*) и риторическое рассуждение (*enthymema*), когда оно начинается с мнений, которые являются общепринятыми (Толика, 100a 31; Первая аналитика, 70a 10—11). Рассуждение эристическое (*eristikos*), когда оно начинается с мнений, которые кажутся общепринятыми (правдоподобными), но не являются таковыми (Толика, 100b 24). Рассуждение — паралогизм (*paralogismo*), когда оно начинается с посылок, хотя и свойственных науке, но не истинных (Толика, 101a 10). Классификация видов рассуждения строится на основе толкования природы посылок.

Если отбросить виды рассуждения, в основе которых лежат ложные посылки, то остаются три вида рассуждений: научное рассуждение, с одной стороны, диалектическое и риторическое — с другой. Диалектический силлогизм отличается от научного силлогизма тем, что посылки первого являются результатом конвенции, диалога. Это не необходимое знание, не первые истины, как, например, в научном силлогизме, а результат согласия, ориентации на собеседника. Часто это мнение уважаемого обеими сторонами дискуссии человека. То есть диалектический силлогизм является составной частью диалектики. Пользующийся диалектическим силлогизмом не формулирует посылку самостоятельно, в качестве посылки использует вопрос, автором же посылки является его собеседник. Никакого заключения не следует из посылок до тех пор, пока с ними (посылками) не согласится тот, кому адресован диалектический силлогизм. То есть диалектический силлогизм всегда адресован, он всегда обращение. Вступая в диалектическую беседу, параллельно надо выполнять две задачи, во-пер-

вых, следует искать, опираясь на валидные формы, посылки, из которых обосновываемое заключение будет следовать с необходимостью, во-вторых, искать именно те посылки, с которыми согласится собеседник. Конечно, желательно использовать истинные посылки из научного знания, но в разговоре с человеком, находящимся за пределами научного знания и научного языка, приходится пользоваться согласованным мнением. Поскольку имеешь дело с разумными людьми, представляющими определенную культуру, то можно построить теорию общих мест, то есть положений, с которыми склонны будут согласиться различные типы людей. То есть Аристотель показывает, что тот вид обоснования суждений, который представлен диалектическим силлогизмом, носит логико-коммуникативный характер, поскольку он является составной частью реального процесса речевого общения. Аргумент в этом случае перестает быть чисто логической характеристикой суждения. Он становится логико-коммуникативной характеристикой речевого акта.

Риторическое рассуждение, или энтимема, в качестве посылок тоже использует согласованное мнение, но процедура согласования не проводится, вопросы, ответы на которые могли бы стать посылками убеждающего рассуждения, как это происходит в случае диалектического рассуждения, не задаются. Оратор, обращающийся к публике, обязан использовать такие посылки, которые публика воспринимает как правдоподобные и которые у нее не вызывают сомнений как само собой разумеющееся знание. То есть оратор должен ориентироваться на имеющееся у публики знание предмета речи. Понятно, что такие посылки можно иногда опускать. Только в энтимематическом рассуждении можно опускать посылки. Хотя, конечно, это не обязательно. Это рассуждение будет энтимематическим и при наличии посылок. Поскольку будет опираться на то, что «в уме» у всякого слушателя из этой аудитории.

Энтимема — продукт дискурсивного творчества, предполагающего диалог, и она не может случиться в теоретическом доказательстве. Потому Аристотель и называет ее *риториче-*

ским силлогизмом. Исследование энтимем — область логического анализа естественного языка. Энтимема — это предмет, прежде всего, теории аргументации, поскольку теория аргументации представляет собой ту часть логического знания, которая имеет своим предметом исследование процедур обоснования в естественном языке. У Аристотеля в научном доказательстве энтимема невозможна, научный, аналитический силлогизм не может предстать в энтимематической форме. В пределах теоретического доказательства энтимема не может появиться, поскольку там нет *подразумеваемой* посылки. Сам акт диалогического подразумевания невозможен. Все необходимые посылки присутствуют в системе научного знания, которая обеспечивает, гарантирует истинность заключений с необходимостью. Энтимема появляется за пределами научного знания, то есть когда появляется диалог и необходимость *согласования* оснований, когда речевые акты становятся аргументами будучи продуктом диалога, явного или неявного. А это уже область естественного языка, речевого взаимодействия, область, в которой для обоснованного логического анализа, для корректного применения логических критериев требуется контекстуальный, прагматический анализ.

Интересно, что между научным силлогизмом, с одной стороны, и диалектическим и риторическим — с другой, нет непреодолимой пропасти. Как пишет Аристотель, в ходе общения с учениками возможен постепенный переход с диалектического рассуждения к научному. Дело в том, что «между энтимемами и вообще диалектическими формами рассуждения есть одно громадное различие, совершенно забываемое почти всеми исследователями» (Риторика. 1358a 2—5). Аристотель призывает различать два рода энтимем: общие и частные. Так, диалектические и риторические силлогизмы мы используем там, где в качестве оснований используются общие места (топы — *τοποι*); эти топы используются в рассуждениях о самых различных предметах, в них нет предметной специфики, а следовательно, они не требуют специальных познаний ни от оратора, ни от слушателей. Они являются общими не только с точки зре-

ния предмета речи, но и с точки зрения участников разговора. То есть их используют в разговоре о чем угодно и с кем угодно.

Иное дело частные энтимемы. В них используются посылки, относящиеся к частному знанию, и их можно использовать только в пределах этого знания, а следовательно, для аудитории, владеющей этим знанием. Нельзя, используя посылки из области физического знания, построить силлогизм, доказывающий нечто относительно этики, и наоборот. Но большая часть энтимем, как утверждает Аристотель, «выводится из этих частных специальных положений». Те, кто активно пользуется частными энтимемами, постепенно выходят из роли простых ораторов и все более перемещаются вместе со своими слушателями в область научного рассуждения. С помощью этих энтимем, пишет Аристотель, мы сможем сделать человека сведущим в области какой-либо частной науки. Более того, если мы будем выбирать посылки с должной осмотрительностью, то постепенно, «незаметным образом мы образуем область науки, отличной от диалектики и риторики, и если мы доберемся до основных положений, то будем иметь перед собой уже не диалектику и риторику, а ту науку, основными положениями которой мы овладели» (Риторика. 1358a 18—28).

Настаивая на рассмотрении теории аргументации как раздела логического знания, следует хотя бы несколько слов сказать и о соотношении риторики и теории аргументации. Если рассматривать риторику как искусство красноречия, то нельзя не вспомнить замечание Цицерона относительно диалогов Платона. По его остроумному замечанию, они убедительны прежде всего потому, что истинны; но не только поэтому, но и потому, что прекрасны. Цицерон прав — красота может служить аргументом, но рациональный анализ этого убеждающего средства еще нуждается в становлении и развитии. При этом важно иметь в виду, что теория аргументации исследует формы и средства обоснования знания. А знание нуждается в собственных, то есть рациональных средствах обоснования. В реальных, житейских процедурах обоснования работают и даже сознательно используются и психологические факторы

убеждения, но здесь уже речь должна идти о явлениях совсем другой природы, не имеющих отношения к разуму, но которыми разум может научиться управлять. Это выходит за пределы предмета теории аргументации.

Иногда можно услышать, что фигуры речи, многообразие которых в риторике с трудом поддается систематизации, выполняют аргументативную функцию. Но здесь следует вспомнить о природе риторики. Да, античная риторика позиционировалась как форма убеждающей речи. Но эта риторика носила синкретический характер. После того как от нее отпочковалась аргументация как предмет особой, отличной от риторики области знания, в риторике осталось то, что и составляло ее суть, она всегда была искусством рождения мысли. Мысль, чтобы обладать определенностью, чтобы быть, должна обрести определенную форму. Этой формой, рожающей мысль в ее определенности, является слово. Риторика как искусство слова есть, по сути, искусство рождения мысли. Фигура речи рождает новый смысл, который непосредственно отсутствовал в исходной речевой форме. Фигура речи только тогда и имеет место, когда этот смысл рождается в разуме слушателя. Но фигура речи не выполняет аргументативную функцию непосредственно. Здесь, скорее всего, имеет место различие, напоминающее отношение между семантической пресуппозицией и посылкой умозаключения. Семантическая пресуппозиция не выполняет аргументативной функции, но делает семантически приемлемым положение, обосновываемое посылками умозаключения. Таким образом, следует различать *формы семантического обоснования*, то есть формы рождения ясного смысла, и *формы аргументативного обоснования*, то есть формы обоснования приемлемости для другого человека положения, смысл которого ему ясен. В реальной речи эти две формы существуют в единстве, но в теоретическом исследовании мы их должны различать.

Для Аристотеля диалектика — это приложение разработанных в аналитике норм построения научного доказательства к анализу и построению убеждающих рассуждений в реальном

дискурсе, то есть искусство вести рациональную беседу, не ограниченную жесткими рамками науки. Она учит находить основания для доказательства своей мысли собеседнику. Но здесь возникает диалогический, коммуникативный контекст, который требует развития соответствующих средств анализа, которые и должен разрабатывать тот самый *раздел логического знания, который мы называем теорией аргументации*.

Список литературы

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Мигунов А. И.* Аналитика и диалектика: два аспекта логики // Я. А. Слинин и МЫ: К 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. СПб., 2002. (Сер. «Мыслители». Вып. X).
3. *Мигунов А. И.* Коммуникативная природа истины и аргументация // Логико-философские штудии. СПб., 2005. Вып. 3.
4. *Мигунов А. И.* Семантика аргументативного речевого акта // Мысль: Ежегодник Санкт-Петербургского философ. общ-ва. СПб., 2006. Вып. 6.
5. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. М., 1975.
6. *Dov M. Gabbay and John Woods* The Practical Turn in Logic // Handbook of Philosophical Logic. 2nd edition. Ed. D. M. Gabbay, F. Guenther. Vol. 13. 2005.
7. *Toulmin St.* Logic, Rhetoric & Reason: Redressing the Balance // France H. van Eemeren, Rob Grootendorst, J. Anthony Blair, Charles A. Willard (eds.) Argumentation Illuminated. Amsterdam, 1992.

